

На правах рукописи

Свешников Антон Вадимович

**Петербургская школа медиевистов начала XX века.
Историко-антропологическое исследование научного сообщества**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научный консультант доктор исторических наук, профессор
Валентина Павловна Корзун

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Репина Лорина Петровна

доктор исторических наук, профессор
Мягков Герман Пантелеймонович

доктор исторических наук, профессор
Николаева Ирина Юрьевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Защита состоится 27 мая 2011 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 267. 03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан _____ 2011 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук,

профессор

О.А. Харусь

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Одной из основных тенденций развития исторической науки на современном, достаточно сложном и противоречивом этапе является очевидное усиление внимания к базовым основам профессиональной деятельности историка. В условиях различных социально-политических, интеллектуальных и культурных контекстов, от активно проводимой различными политическим силами «политики исторической памяти» до бурных дискуссий о различных «моделях университета» и связанных с ними реформами системы образования, существует множество конкурирующих друг с другом подходов, теорий, концепций, предлагающих своё видение принципиальных основ исторической науки и образования. При всем многообразии подходов, базирующихся на различных теоретических и идеологических основаниях, и принципиальной мозаичности, гетерогенности общей картины, следует указать на проявляющееся в работах, выполненных в рамках самых разных традиций, нарастающее внимание к изучению различных форм организации профессиональных научных сообществ исследователей истории. Существуют работы, посвященные как изучению формальных групп профессиональных ученых (история институций), так и неформальных (кружков, поколений, научных школ).

В связи с этим возникает вопрос: что такое профессиональная корпорация историков? Как вообще формируется, воспроизводится и трансформируется нормальная профессиональная научная корпорация? Посредством каких «эпохальных» или, наоборот, повседневных социальных действий конструируется ее жизнь? Представляется, что в данном случае история науки, наряду с социологией знания, философией, психологией и антропологией науки, должна выступить в качестве инструмента критической рефлексии, позволяющей понять сам механизм формирования основ научной деятельности.

Именно стремление реконструировать формирующие профессиональную корпорацию социальные связи и составляет сверхзадачу данного исследования.

В нашей работе предпринята попытка разобраться в том, каким образом формируется «внутренняя социальность» профессиональной научной деятельности на материале конкретного локального научного сообщества – петербургской школы медиевистов начала XX века.

Степень научной разработанности проблемы

Слово «школа» впервые начинает употребляться по отношению к петербургской медиевистике в начале XX века в статьях, посвященных юбилею И.М. Гревса. При этом оно употребляется изначально без строгой терминологической нагрузки, исключительно как лексическая единица обывденного языка. «Мы все прошли у него замечательную школу», – пишут авторы, характеризуя деятельность юбиляра. Понятно, что слово «школа» используется здесь не как термин, связанный с обозначением научного сообщества, но в то же время указывает на процесс обучения. Наиболее показательной в этом плане является вводная статья к сборнику «Средневековый быт».

Принципиально новое значение этому слову придал Е.А. Косминский, впервые употребив его именно для характеристики определенного научного сообщества в 1928 г. в статье, вышедшей всего через три года после названного сборника. Именно эта его статья заложила основы последующей историографической традиции употребления и даже наполнения этого термина. Е.А. Косминский, в какой-то степени перенося на свой материал идеи П.Н. Милюкова и Е.А. Преснякова, пишет о том, что в отечественной медиевистике «разработка вопросов средневековой истории сосредотачивается вокруг двух главных центров – московского и ленинградского, каждый из которых выявил совершенно самостоятельную и своеобразную исследовательскую физиономию»¹. Если московская медиевистика, к которой принадлежал и сам Е.А. Косминский, занимается изучением социально-

¹ Косминский Е.А. Средние века и новое время // Общественные науки в СССР. 1917 – 1927. М., 1928. С. 107.

экономической, в основном аграрной проблематики, то «ленинградская школа сосредоточилась преимущественно на вопросах религиозной и культурной истории западного средневековья; она старается эстетически вживаться в средневековье, постигая его своеобразный «дух» и «красоту»; богатая талантами, эта школа дала много интересных достижений»². «Главой» школы, по словам Е.А. Косминского, является И.М. Гревс, а «наиболее крупную величину» (определяя лидерство школы, Е.А. Косминский, как видим, «разводит» эти понятия) представляет собой О.А. Добиаш-Рождественская, научное творчество которой автор оценивает очень высоко. Наряду с названными историками, московский ученый специально останавливается на оценке творчества Л.П. Карсавина, кроме того упоминает младших представителей ленинградской школы, к которым он относит Г.П. Федотова, М.Э. Шайтан, А.И. Хоментовскую, М.А. Тиханову, Н.П. Анциферова, С.А. Ушакова, В.В. Бахтина. Поскольку, как уже говорилось, именно эта статья заложила основы последующей традиции и даже в определенной степени мифологизации этого термина, зафиксируем подробнее ее основные положения. Во-первых, петербургская школа медиевистики существует как определенное научное сообщество, для работ представителей которого характерно единство проблематики (изучение западной средневековой культуры) и методологии («вживание») исследования. При этом Е.А. Косминский, с одной стороны, выводит за пределы школы византиеведение, и соответственно, к этой школе не могут быть отнесены В.Г. Васильевский и его ближайшие ученики. А с другой стороны, «школа» оказывается уже, чем понятие «ленинградская медиевистика», потому что «в Ленинграде есть ряд медиевистов с иным направлением научных запросов»: Н.С. Цемш, С.Г. Лозинский и Н.П. Оттокар. Во-вторых, в силу заявленных хронологических рамок, Е.А. Косминский оставляет за пределами внимания процесс формирования школы, ее истоки и историю дореволюционного времени. На момент 1917 г. просто констатируется, что она уже существует и

² Там же. С. 110.

ее лидером является И.М. Гревс. При этом вопрос о том, «является ли он ее создателем», остается открытым. В-третьих, в целом научное значение школы оценивается неоднозначно. Получается, что в ее деятельности есть как положительные моменты, связанные, например, с развитием источниковедения и латинской палеографии, так и отрицательные, «кризисные» тенденции. Методология школы далека от марксизма, хотя Е.А. Косминский и не говорит об этом «открытым текстом», но это естественно логически вытекает из всего им сказанного. С учетом исторического контекста, последняя мысль представляется далеко небезобидной.

По сути, то же понимание термина «ленинградская школа медиевистики» присутствует и в написанной практически через десять лет обзорной статье Е.А. Косминского, ставшего на тот момент крупнейшей фигурой советской медиевистики. Однако историческая ситуация поменялась, и в условиях борьбы с «вульгарным социологизаторством школы М.Н. Покровского» (а эта тенденция явно присутствует в статье³) автор уже по-иному расставляет акценты. Во-первых, о негативных чертах школы уже не говорится. Палеография и источниковедение не считаются дисциплинами «второго сорта». Более того, москвич Е.А. Косминский в вопросе подготовки новых профессиональных кадров отдает пальму первенства Ленинграду⁴. Во-вторых, отпадает неоднозначность оценки методологии, не говорится о сомнительном «вживании» и не упоминается высланный за пределы СССР еще в 1922 г. Л.П. Карсавин. В целом же видение школы осталось прежним. «В Ленинграде вокруг О.А. Добиаш-Рождественской сложилась целая школа», которая занимается изучением вопросов культурной истории (наиболее значимым результатом в этом отношении является сборник «Средневековый быт») и вспомогательных исторических дисциплин, «чему немало способствовало богатое собрание латинских рукописей средневековья, хранящихся в

³ «Антимарксистские установки Покровского и его школы принесли немалый вред и нашей дисциплине» (Косминский Е.А. Итоги изучения истории средних веков в СССР за двадцать лет // Известия АН СССР. Отдел. общ. наук. № 5. М. – Л., 1937. С. 1133).

⁴ «В этом отношении Ленинград делает больше Москвы». Там же. С. 1139.

Ленинградской Публичной библиотеке»⁵. Кстати сказать, И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская, незадолго до этого «вернувшиеся» на кафедру истории средних веков исторического факультета Ленинградского университета, оказались единственными ленинградскими историками, чьи имена упоминает Е.А. Косминский. Остальных он «глухо» называет «молодыми учеными». Это весьма показательно, поскольку остальные ученые, названные им в предыдущей работе, на тот момент либо были репрессированы, либо находились в эмиграции.

Однако, видимо во многом в связи с отмеченными выше негативными коннотациями термина «научная школа», предложенные Е.А. Косминским «школьная типология» и содержание термина «ленинградская школа медиевистов» прижились далеко не сразу и изначально не были приняты многими историографами. Неприятие «схоларного» подхода присутствует как у «старых» (т. е. дореволюционных) ученых, так и у историографов «молодой», «советской» формации. Так В.П. Бузескул рассматривает творчество И.М. Гревса и его учеников О.А. Добиаш-Рождественской и Л.П. Карсавина⁶, ни как их не обособляя, в рамках общего раздела, посвященного изучению «западноевропейского средневековья» в отечественной исторической науке⁷. При этом, если научно-исследовательскую деятельность первой автор оценивает однозначно положительно, то творчество второго получает скорее негативную оценку. В соответствии с таким подходом, работы И.М. Гревса, посвященные изучению истории Древнего Рима, рассматриваются В.П. Бузескулом в разделе, по антиковедению⁸. О.Л. Вайнштейн, возглавлявший на тот момент кафедру истории средних веков Ленинградского университета, в 1940 г., принимая новую периодизацию истории исторической науки, рассматривает творчество И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской как представителей либерально-позитивистского направления в рамках раздела

⁵ Там же. С. 1135.

⁶ Из учеников И.М. Гревса упоминаются также В.Э. Крусман, Н.П. Оттокар и, без указания на ученичество, А.И. Хоментовская.

⁷ См.: Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 218 – 232. Первое издание этой части труда В.П. Бузескула вышло в 1931 году.

⁸ Там же. С. 291 – 293.

«Историография средних веков в период империализма»⁹. Причем, если деятельность второй, подчеркивая палеографическую направленность работ, автор оценивает однозначно положительно, то в трудах И.М. Гревса находит «большие недостатки». Из учеников И.М. Гревса дореволюционного периода в этом разделе упоминается только Л.П. Карсавин, характеризуемый автором как «буржуазный историк», «ныне белоэмигрант».

Понятно, что, в соответствии с выбранным подходом, О.Л. Вайнштейн при рассмотрении советского периода истории отечественной медиевистики вынужден вновь вернуться к тому же сюжету. В данном случае О.Л. Вайнштейн следует за Е.А. Косминским, на статью (1928 г.) которого он ссылается. Но при этом, во-первых, отказывается от употребления термина «школа», заменяя его на «группу медиевистов, учеников И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской»¹⁰, а, во-вторых, среди этих учеников, помимо профессора своей кафедры М.А. Гуковского, называет только А.Д. Люблинскую и Е.Ч. Скржинскую.

В то же время применительно к данному периоду следует отметить появление в печати двух поздних текстов саморепрезентации, мемориальных статей Е.Ч. Скржинской¹¹ и А.Д. Люблинской¹², посвященных И.М. Гревсу и О.А. Добиаш-Рождественской. Опираясь на значительный комплекс опубликованных работ, архивные материалы и собственные воспоминания, оба автора достаточно обстоятельно и, безусловно, сочувственно описывают жизнь и творчество своих учителей, без всяких упоминаний о «буржуазности» их взглядов. При этом Е.Ч. Скржинская отмечает роль И.М. Гревса «в деле создания целой школы многочисленных выдающихся медиевистов»¹³, а А.Д. Люблинская подчеркивает значение педагогической и организационной

⁹ См.: Вайнштейн О.Л. Историография истории средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М. – Л., 1940. С. 225 – 226.

¹⁰ Там же. С. 357.

¹¹ См.: Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс (биографический очерк) // Гревс И.М. Тацит. М. – Л., 1946. С. 223 – 248.

¹² См.: Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как историк // Средние века. М., 1942. Вып. 1. С. 212 – 226.

¹³ Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс ... С. 243.

деятельности О.А. Добиаш-Рождественской для развития петроградской медиевистики в 1910 – 1930-е годы.

Резкий поворот в изучении истории петербургской медиевистики произошел после выхода в 1948 г. статьи С.Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»¹⁴. В этой работе, реанимировав в определенной степени идеи П.Н. Милюкова и А.Е. Преснякова, С.Н. Валк говорит о существовании единой, независимо от специализации и дисциплинарной принадлежности, общей «петербургской школы историков». Эта школа, по мнению С.Н. Валка, базируется на воспроизводимом в ходе профессиональной подготовки в стенах университета практически с середины XIX в. методологическом принципе приоритета источника. Для «питерского историка», писал С.Н. Валк, характерен особый пиетет по отношению к «историческому источнику и факту». Этим объясняется значительное количество работ, посвященных проблемам источниковедения и анализу или интерпретации текста конкретного источника. В этом отношении работы представителей петербургской школы историков отличаются от работ представителей московской школы, которые идут от «умозрительной схемы» и склонны к «социологическим построениям».

В контексте рассуждений С.Н. Валка получается, что петербургские медиевисты – это представители общей петербургской исторической школы, которые в изучении своих конкретных сюжетов, связанных с историей западноевропейского средневековья, применяют общие методологические принципы и установки. И, соответственно, нет оснований для выделения какой-то специальной школы медиевистов. Весьма показательным, что С.Н. Валк относил к числу выдающихся представителей этой школы учителя И.М. Гревса – В.Г. Васильевского¹⁵. В общем контексте развития «петербургской школы историков» рассматривается и получившая очень высокую оценку деятельность самого И.М. Гревса и его учеников, среди которых упоминаются

¹⁴ См.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7- 106.

¹⁵ Там же. С. 32 - 36.

О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин (с упоминанием «субъективизма» его работ) и, применительно к советскому периоду, М.А. Гуковский.

После статьи С.Н. Валка конфигурация исследований петербургской школы медиевистики строилась как сложное соотношение «дисциплинарного» и «регионального» подходов с неявным преобладанием первого. Эта гетерогенность и составляет основную особенность второго этапа исследования проблемы. Петербургским медиевистам посвящены отдельные страницы в обобщающих работах О.Л. Вайнштейна и Е.В. Гутновой.

О.Л. Вайнштейн отмечает интерес И.М. Гревса к культурной истории и, в отличие от сказанного в 1940 г., уже называет его создателем «собственной школы»¹⁶.

Е.В. Гутнова, напротив, отказавшись от использования категории «школа», в данном конкретном случае (в принципе, она признает его правомерность), применительно к рассмотрению творчества И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и Л.П. Карсавина (остальные представители школы в тексте не упоминаются), рассматривает их, наряду с московским профессором М.С. Корелиным, в качестве представителей историко-культурного направления¹⁷. При этом получается, что творчество самого И.М. Гревса, в соответствии с выбранным автором подходом, рассматривается и в разделе «Социально-экономическое направление»¹⁸. При этом деятельность ученого оценивается очень кратко и явно негативно.

Следует отметить, что в текстах этих работ при оценке взглядов петербургских медиевистов, безусловно, присутствовали определенные идеологические клише и штампы. Так, работы самого И.М. Гревса и его эмигрировавших учеников оценивались как труды «буржуазных ученых», значимость которых обесценивается порочной методологией.

¹⁶ См.: Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917 – 1967. Л., 1968. С. 58 – 61. При этом автор особо отмечает, что И.М. Гревс был «буржуазным идеалистом», чьи педагогические идеи критиковала Н.К. Крупская.

¹⁷ См.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974. С. 312 – 316.

¹⁸ Там же. С. 295 – 296.

В целом, по сравнению с предшествующим периодом, оценка творчества И.М. Гревса поменялась достаточно сильно, в первую очередь благодаря мнению М.А. Алпатова, определявшего И.М. Гревса как «реакционного куланжиста»¹⁹.

В «Очерках по истории исторической науки в СССР» деятельность петербургских медиевистов начала XX века также оценивается неоднозначно. Так, характеризуя ситуацию в первые послереволюционные годы, автор раздела И.Я. Лернер пишет: «В Ленинграде работала значительная группа профессионалов-медиевистов во главе с И.М. Гревсом. К ней принадлежали О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, А.И. Хоментовская, Н.П. Анциферов, М.А. Тиханова-Клименко, В.В. Бахтин, М.Э. Шайтан и др. В первые годы их объединял интерес к истории средневековой культуры, религии и быта при почти полном отсутствии интереса к социально-экономическим проблемам. В объяснении исторических явлений присутствовал идеализм, а у некоторых и откровенно религиозные мотивы»²⁰. Сам И.М. Гревс на страницах этого издания упоминается и как исследователь античности, и как медиевист. При этом, если при характеристике его работ по исследованию аграрных отношений в Древнем Риме отмечен «оригинальный метод»²¹, то оценка И.М. Гревса как медиевиста гораздо более негативная. Он характеризуется как исследователь, склонный к «психологизму» и «реакционному позитивизму», а его концепция «не отличается оригинальностью»²².

Политическое обвинение было серьезным. В результате, положительной оценки из всех учеников И.М. Гревса удостоивались только крупные советские ученые – О.А. Добиаш-Рождественская²³ и А.Д. Люблинская²⁴. Особенно

¹⁹ Алпатов М.А. Политические идеи французской либеральной историографии XIX века. М.Л. 1949. С. 185 – 186; Он же. Кризис русской медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии. Воронеж, 1960. С. 23 – 27; Он же. Гревс Иван Михайлович // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. Стб. 705; Он же. Гревс Иван Михайлович // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 272.

²⁰ Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 595.

²¹ См.: Очерки ... Т. 2. М., 1960. С. 321 – 328.

²² См.: Там же. Т. 3. М., 1963. С. 412 – 413.

²³ См., например: Люблинская А.Д. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // Средние века. М., 1966. Вып. 29. С. 174 – 178; Ершова В.М. О.А. Добиаш-

негативной была оценка, данная Л.П. Карсавину. Положительно оценить творчество И.М. Гревса и его учеников осмелился в этот период только В.И. Рутенбург, посещавший семинары И.М. Гревса в аспирантские годы²⁵.

При этом в историографической мысли русской эмиграции И.М. Гревс, напротив, оценивался положительно и как исследователь, и как университетский педагог, и как человек, пострадавший от советской власти. Именно такую оценку дает И.М. Гревсу Г.В. Вернадский, называя среди близких ему учеников «Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественскую и <? – А.С.> А.И. Петрункевич»²⁶.

Безусловно, начало принципиально нового этапа следует связать с появлением работ Б.С. Кагановича. Это были первые исследования, непосредственно посвященные петербургским медиевистам начала XX века²⁷. В этих работах, основанных на огромном корпусе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов и опубликованных историографических источников, Б.С. Каганович обстоятельно рассматривает жизненный путь и творчество основных представителей школы петербургских медиевистов начала XX века (к ним автор относит самого И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественскую, А.И. Хоментовскую, Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокар), кратко останавливаясь и на «менее значительных представителях школы», «которые по различным причинам оставили меньший след в медиевистике»²⁸

Рождественская. Л., 1988. В основе последней монографии лежит защищенная в 1971 г. кандидатская диссертация.

²⁴ См. например: Бессмертный Ю.Л., Малов В.Н. А.Д. Люблинская – историк-медиевист // Средние века. М., 1973. Вып. 35.; Романова В.Л. А.Д. Люблинская – архивист и палеограф: К 70-летию со дня рождения // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974; Малинин Ю.П. А.Д. Люблинская о некоторых проблемах Возрождения и Реформации во Франции // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.

²⁵ См.: Рутенбург В.И. Русские медиевисты об Италии // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963. С. 155 – 165; Он же. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX – начала XX вв. // Средние века. Вып. 25. М., 1964. С. 264 – 271.

²⁶ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 222. Работа впервые была опубликована в начале 1970-х годов.

²⁷ См.: Каганович Б.С. О.А. Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 190 – 208; Он же. И.М. Гревс – историк средневековой городской культуры // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986. С. 216 – 235; Он же. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейской средневековья. Научное наследие. Сост. Б.С. Каганович. М., 1987. С. 313 – 323; Он же. Анна Ильинична Хоментовская // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 294 – 306; Он же. Вокруг «Очерков по истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. Л., 1990. С. 198 – 216.

²⁸ Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. к. и. н. Л., 1986. С. 12.

(В.Э. Крусман, Г.П. Федотов, С.И. Штейн, Н.С. Цемш, П.Б. Шаскольский, М.Э. Шайтан). В кандидатской диссертации, научным руководителем которой был В.И. Рутенбург, автор определяет «школу» как совокупность ученых, связанных в профессиональном плане как генетически («имея в виду тот факт, что И.М. Гревс был первым профессором Петербургского университета, сделавшим своей основной специальностью историю западноевропейского средневековья..., и что все петербургские медиевисты рассматриваемого периода признавали себя его учениками»²⁹), так и проблемно-тематически. Для их работ, по мнению историографа, характерен интерес к изучению культуры, религиозной идеологии и города средневекового романского Запада. Но при этом Б.С. Каганович специально подчеркивает, что нет никаких оснований говорить о единой методологии и концепции представителей школы. «Ученики Гревса, в большинстве своем люди яркие и самостоятельные, не исповедовали какой-либо единой доктрины и были очень разными учеными. Нет смысла подводить здесь какой-то искусственный общий знаменатель»³⁰. И если в кандидатской диссертации, как казалось, отдавая дань времени, Б.С. Каганович говорил о проявлении в рамках школы «кризисных явлений буржуазной исторической науки», связывая их с творчеством Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара и С.И. Штейна, то впоследствии он отошел от этой оценки, совершенно справедливо и однозначно определяя петербургскую школу медиевистов начала XX века как «блестящую»³¹, что, впрочем, не помешало ему сохранить негативную оценку исторического творчества Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара³².

Тематически и методологически к работам Б.С. Кагановича примыкают исследования Л.Б. Вольфцун. Эти работы, большая часть из которых включена

²⁹ Там же. С. 2.

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. VII. В этой же работе, определяя основные черты изучаемой научной школы, автор пишет: «Особенностью петербургской школы медиевистики был целостный анализ средневековой культуры, выявление общих тенденций в самых разных сферах жизни, особый интерес к духовной и религиозной культуре средневековья, тонкое чувство исторического и художественного стиля эпохи, яркость историко-психологического анализа». Там же. С. VIII.

³² См. например: Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.

в книгу «От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России»³³, посвящены анализу жизненного пути и, в меньшей степени, научного творчества «преимущественно» младших представителей школы И.М. Гревса. На основе широкого круга, как опубликованных текстов, так и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, автор тщательно реконструирует научные биографии В.В. Бахтина, С.А. Ушакова, Н.С. Цемша (это первое специально посвященное данным ученым исследование), В.С. и А.Д. Люблинских. Автор на конкретном материале рассматривает различные формы социального взаимодействия между ними, однако специальным объектом исследования они не становятся.

Можно говорить о том, что именно работы Б.С. Кагановича «возродили» и «реабилитировали» сам термин «петербургская школа медиевистов». Он становится широко распространенным и общеупотребимым.

Для современного этапа характерно наличие большого количества работ, посвященных отдельным представителям школы, особенно тем, чьи имена были возвращены в историю отечественной науки после длительного забвения, вызванного, в первую очередь, политической ситуацией, т.е. тех ученых, которые имели репутацию врагов или жертв советской власти. Это Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, Г.П. Федотов, Н.П. Анциферов, В.В. Вейдле. Огромное количество работ посвящено и самому И.М. Гревсу³⁴. Проведены специальные конференции, посвященные юбилеям И.М. Гревса, Л.П. Карсавина, А.Д. и В.С. Люблинских, Н.П. Анциферова, М.А. Гуковского. Издаются как уже публиковавшиеся ранее труды петербургских медиевистов начала XX века, так и неопубликованные тексты написанных ими работ, воспоминаний, а также переписка и даже деловая документация.

³³ Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб., 2008.

³⁴ Общий анализ научной литературы о И.М. Гревсе см.: Вахромеева О.Б. От автора – составителя. // Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860 – 1941). Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 3 - 7; Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника петербургской школы медиевистики. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 5 – 14.

В определенной степени термин «петербургская школа медиевистов» становится модным, мифологизируется и превращается в «бренд». Понятие школы в этих работах, однако, как правило, не проблематизируется. Как бы само собой разумеется, что если определенные люди учились у И.М. Гревса в университете или на Высших женских курсах и профессионально занимались изучением средних веков, значит они априори принадлежат к созданной им научной школе. Именно такова, например, логика рассуждений автора последней по времени написания и очень хорошей в целом диссертации, посвященной И.М. Гревсу³⁵.

Представляется, что подобная ситуация во многом является производной от того общего понимания содержания термина «научная школа», который присутствует в современной историографии.

Таким образом, следует признать, что при несомненном интересе к изучению научных школ и различных типов неформальных сообществ профессиональных ученых в целом, в современной науке не существует какого-то единого общепринятого критерия определения научной школы. Эта оценка оказывается верной не только для истории исторической науки, но и для других историко-научных традиций. В нашем исследовании мы попытаемся предложить принципиально новую модель научной школы, которая может быть использована при изучении самого разного типа подобного рода явлений.

Объектом исследования является профессиональное сообщество исследователей медиевистов, сформировавшееся в первой половине XX века вокруг профессора Петербургского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов Ивана Михайловича Гревса.

Предметом исследования в данном случае представляются те социальные практики, посредством которых это сообщество оформлялось как научная школа.

Исходя из этого, **целью** нашего исследования является реконструкция и анализ процессов формирования и функционирования сообщества

³⁵ См.: Бамбизова К.В. Указ. соч. С. 69 – 78.

петербургских медиевистов начала XX века как особого типа профессионального сообщества – научной школы.

Достижение поставленной цели предполагает, на наш взгляд, последовательное решение следующего ряда **задач**:

- реконструкцию теоретико-методологических, идеологических и мировоззренческих взглядов И.М. Гревса, ставших основой для построения научной школы;

- изучение жизни и деятельности петербургских медиевистов – учеников И.М. Гревса;

- реконструкцию совокупности теоретико-методологических и конкретно-исторических взглядов петербургских медиевистов, позволяющих атрибутировать их как научную школу;

- выявление и анализ основного набора школообразующих практик;

- проведение анализа значения конфликта в научной среде как фактора, влияющего на процесс конструирования и функционирования научной школы.

Хронологические рамки исследования определяются нашим пониманием научной школы как реальной социальной группы. Соответственно, мы рассматриваем преимущественно период, когда школа И.М. Гревса функционировала именно в этом качестве – с 1890-х годов до 1941 года. Верхняя граница исследования связана с началом преподавательской деятельности И.М. Гревса в университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах, а нижняя определяется тем, что в связи с рядом событий (смертью самого профессора и изменением условий существования исторической науки после начала Великой Отечественной войны), структура группы и характер ее взаимодействия с другими акторами поля исторической науки существенным образом трансформируются. Петербургская медиевистика конечно не прекратила своего существования, но она стала иной. При этом и верхняя, и нижняя границы достаточно условны. Поскольку для научной школы очень важны те принципы и идеи, которые составляют ее теоретический фундамент и служат базой для построения школообразующих практик, мы

должны рассмотреть процесс формирования взглядов лидера и основателя школы И.М. Гревса, обратившись к годам его молодости и, тем самым, пересекая обозначенную выше верхнюю границу. С другой стороны, нам важно, хотя бы кратко, рассмотреть судьбу основных представителей школы, и, в связи с этим, нижняя граница оказывается столь же условной.

Методология и методы исследования адаптированы к целям и задачам работы. Исследование носит междисциплинарный характер, что предопределило многоаспектность и структурную сложность методологической базы и потребовало выработки специального инструментария исследования. Оно выполнено на стыке конкретной историографии, социальной и культурной антропологии и социологии науки. В основе его лежит понимание научной школы как неформальной малой социальной группы, конструирующей свою структуру и групповую идентичность. В этой связи особое значение приобретает логическая реконструкция того набора социальных практик и образующих их элементов, посредством которого создается школа и школьная идентичность. Эти практики были обозначены нами как школообразующие.

Подобное исследование с неизбежностью оказывается микроисторическим, поскольку избранный нами подход представляется продуктивным, в первую очередь, при анализе малой социальной группы в определенном конкретно-историческом контексте. При этом, в соответствии с данной методологической традицией, историческое событие рассматривается не как типичное отражение общих тенденций, а как уникальное специфическое преломление последних. Соответственно, подобный подход предполагает постоянное «челночное движение» от общетеоретических посылок (в нашем случае, антропологической модели) к конкретному материалу (школе И.М. Гревса) и обратно к теории с целью «доработки» модели.

Из традиционных методов историографического анализа мы используем, в первую очередь биографический, поскольку нам представляется достаточно важным изучить жизненный путь как самого И.М. Гревса так и многих его

учеников, а также логическую реконструкцию концепции, позволяющую зафиксировать набор теоретико-методологических и конкретно-исторических представлений петербургских медиевистов.

Источниковая база диссертации

Источниковая база данной работы формировалась в связи с поставленными задачами. Исследование базируется на комплексной источниковой базе, включающей как опубликованные, так и неопубликованные источники, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии Наук (ПФА РАН), Отделе редкой и рукописной книги Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Центральном государственном историческом архиве города Санкт-Петербурга (ЦГИА), Российском государственном историческом архиве (РГИА) архиве Института истории материальной культуры РАН. Это, в первую очередь, материалы из личных фондов петербургских медиевистов, в частности И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской, П.Б. Шаскольского, Н.П. Анциферова, а также других петербургских историков того времени, в частности С.Ф. Платонова. В этой связи приходится выразить сожаление, что нам оказались недоступны личные фонды тех учеников И.М. Гревса, которые в 1920-е гг. вынуждены были отправиться в эмиграцию, в частности Н.П. Оттокара, Г.П. Федотова и В.В. Вейдле, а также, в силу технических причин, фонды Е.Ч. Скржинской и А.Д. Люблинской.

В работе нами были использованы различные типы источников. При отсутствии на сегодняшний момент в отечественной историографии четкой общепринятой классификации историографических источников³⁶, традиционно, в большинстве работ, основным, с точки зрения информативности, историографическим источником являются труды изучаемых ученых-историков.

³⁶ См: Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 5 - 59; Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987.

Эту группу источников, в зависимости от жанров работ, их целей и задач, выбранных автором в соответствии с традицией коммуникативного и дискурсного режима, можно разделить на несколько видов текстов.

Первый вид – это научные монографии, написанные И.М. Гревсом и его учениками, входившими в созданную им научную школу, в период с 1899 года до 1941 года³⁷. Соответственно, опираясь на тексты монографий, мы можем реконструировать как теоретико-методологические взгляды того или иного историка, так и его конкретно-историческую концепцию.

Ко второму, наиболее многочисленному, виду источников мы относим научные статьи и рецензии, авторами которых были как непосредственно петербургские медиевисты, так и их коллеги³⁸. Эти тексты, опубликованные преимущественно в периодических изданиях и научных сборниках статей, также в полной мере отражают содержание непосредственной научной работы исследователей, хотя, в отличие от монографий, статьи могут быть посвящены более частным сюжетам и не всегда содержат в себе концептуальные построения. К этому же виду мы относим и рецензии на работы петербургских медиевистов, написанных как самими представителями школы, так и другими учеными. Данные рецензии позволяют «вписать» взгляды ученого в определенный исторический, интеллектуальный, а применительно к 1920-1930-м гг., и идеологический контекст и реконструировать реакцию на исследования петербургских медиевистов со стороны научного сообщества. Последнее позволяет реконструировать то коммуникативное поле, в рамках которого развивалась профессиональная деятельность петербургской школы медиевистики.

³⁷ Гревс И.М. Очерки по истории римского землевладения (Преимущественно во времена империи). Т. 1. СПб, 1899; Он же. Тацит. Жизнь и творчество. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1946; Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947; Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество во Франции в XIII веке. Ч. 1. Приход. Спб., 1914; Она же. Культ Св. Михаила в Латинском средневековье V – XIII века. Спб., 1917; Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII – XIII веков. СПб., 1912; Он же. Основы средневековой религиозности в XII – XIII веках, преимущественно в Италии. СПб., 1915; Крусман В.Э. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшем окружении. Одесса, 1915; Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919; Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. 2-е изд. / Под ред. А.Н. Немилова, А.С. Кантор-Гуковской. Л.: изд-во ЛГУ, 1990.

³⁸ В общей сложности мы привлекаем более 200 статей и рецензий.

Третьим, выделяемым нами, видом источников являются так называемые «подготовительные материалы», т.е. черновики, конспекты и наброски научных работ³⁹. Это, как правило, неопубликованные тексты, хранящиеся в личных фондах разных архивов. Будучи достаточно многочисленными, эти тексты не являются завершенными и не содержат четких концептуальных построений, однако позволяют как реконструировать процесс формирования той или иной концепции, так и проникнуть в «творческую лабораторию» ученого, в частности провести анализ методики работы с источниками действительно значимого историографического контекста и т.д. Эти тексты характеризуются высокой степенью фрагментарности, в них встречаются противоречия. Более того, поскольку речь идет о рукописных материалах, важным условием для работы с этим видом источника является и степень сохранности архивного документа и элементарная четкость почерка того или иного автора. В частности почерк самого И.М. Гревса, неоднократно менявшийся за время его достаточно продолжительной жизни, весьма сложен для прочтения. Кроме того, понятно, что личные фонды формировались достаточно стихийно, без какой-либо системы, и потому сам состав их случаен.

Четвертый вид источников данной группы – это учебная литература, к которой мы относим литографированные тексты лекций, учебники и учебно-методические пособия⁴⁰, конспекты лекций и подготовительные материалы к

³⁹ См.: Гревс И.М. Данте Алигьери, мировой поэт и учитель жизни // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211. 137 л; Он же. Очерки развития средневековой культуры. План работы // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 55. 3 л; Он же. Очерки развития средневековой культуры. Предисловие и библиографические выписки и заметки // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 56. 7 л; Он же. По истории средневековой Италии. Лекции. Заметки, выписки // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 131. 702 л; Он же. По истории средневековых городов. Фрагменты трудов, лекции, библиографические выписки, заметки (1912 – 1913) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 147. 339 л; Шаскольский П.Б. Христианские катакомбы в окрестностях Рима и их изучение // ОР РНБ. Ф. 835. Оп. 1. Д. 1. 22 л; Добиаш-Рождественская О.А. Культ камней в северо-западной Франции в раннем средневековье. После 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 144. 7 л; Она же. Всеобщая история техники в средние века. Планы отдельных томов и глав // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. 46+4 л и др.

⁴⁰ Гревс И.М. История средних веков. Лекции, читанные на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892 – 1893 гг. Сост. слушательницами 3-го курса. СПб., 1892. Ч. 1-2; Он же. История средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1895 – 1896 гг. Сост. слушательницами 3-го курса. СПб., 1896; Он же. История происхождения, развития и разложения феодализма в западной Европе. По лекциям проф. И.М. Гревса 1902 – 1903 уч. г. Сост. слушательницей С. Свиридовой. СПб., 1902 – 1903; Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923; Она же. Западная Европа в средние века. Пг., 1920; Карсавин Л.П. Введение в историю (Теория истории). Пг., 1920; Розенталь Н.Н. Западноевропейское средневековье. Ч. 1. Раннее средневековье. Пг.: Прибой, 1924; Он же. Западноевропейское средневековье. Ч. 2. Позднее средневековье. Л.: Прибой, 1925 и др.

семинарским занятиям⁴¹. Таким образом, к этому виду мы относим как опубликованные работы, так и различные архивные материалы личных фондов. К этой же группе мы относим работы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова, посвященные краеведению и экскурсионному делу⁴². В отличие от научных монографий и статей, учебная литература ориентирована на специфическую аудиторию - учащихся (в то время как целевой аудиторией исследований является в первую очередь научное сообщество) и должна дать четко концептуальное изложение материала, соответствующее современному уровню развития науки. Другими словами, оригинальность вовсе не является, согласно конвенциональным нормам, важным критерием при оценке и создании учебной литературы. Автор вовсе не обязан самостоятельно анализировать источники и вполне может опираться на результаты исследований других ученых. Но, однако, на наш взгляд, учебная литература так же в большинстве случаев носит авторский характер, поскольку автор осуществляет подбор значимых идей, имен, теорий, проблем, исходя из своего видения состояния исторической науки, своих теоретических взглядов и предпочтений. Общая «объективная» ситуация развития науки преломляется через авторскую субъективность.

К пятому виду источников этой группы мы относим научно-популярные работы⁴³. Это работы, написанные профессиональными историками для

⁴¹ См., например: Гревс И.М. «Confessiones» блаженного Августина, как источник для биографии автора и как памятник современной ему культуры. Лекция // ПФА РАН. Ф. 726. оп. 1. Д. 149. 400 л; Он же. Генетический принцип в истории (к курсу 1906 – 1907 гг.) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1 Д. 311. 12 л; . Конспект лекции по истории раннего средневековья (1900-е гг.) // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 71. 4 л; Он же. Курс по разложению Римской империи и зарождению феодализма в Европе. Практические занятия (1902 – 1905) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 125. 264 л; Он же. Лекции по эпохе Возрождения // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 159. 697 л; Он же. Лекционная и университетская система преподавания истории. Конспект заметки (1900-е гг.) // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 82. 19 л; Он же. О моих «лекторских» особенностях // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. 36 л; Он же. Определение истории (из изучения ее развития). Конспект лекции // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 312. 35 л. и др.

⁴² См.: Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910; Он же. Монументальный город и исторические экскурсии (основная идея образовательных экскурсий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 21 – 34; Он же. Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл // Экскурсионное дело. 1922. № 4. С. 1 – 12; Он же. Природа «экскурсионности» // Педагогическая мысль. 1923. № 3. и др.

⁴³ Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры // Научное слово. 1903. Книга IV. С. 50 – 51; Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Пг.: изд-во «Огни», 1918; Она же. Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключение Ричарда I Львиное Сердце. Л., 1925; Карсавин Л.П. Монашество в средние века. СПб., 1912; Розенталь Н.Н. Томас Мюнцер. Л.: Госиздат, 1925; Он же. Христианство, его происхождение и сущность. Л., 1955; Он же. Из истории православия, протестантизма и католицизма. М., 1957; Хоментовская А.И. Кастильоне, друг Рафаэля. Пг., 1923; Она же. Лоренцо Валла – великий итальянский гуманист. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1964 и др.

широкого читателя, что непосредственно отразилось на подборе материала, на стиле и характере изложения. Применительно к школе петербургских медиевистов начала XX века, мы можем отметить определенную динамику работ научно-популярного жанра. Если до революции это в основном были статьи, публикуемые в так называемых «толстых журналах», то после революции на смену им, в качестве наиболее распространенного жанра, приходят небольшие брошюры, издаваемые маленькими тиражами в различных, как правило негосударственных, издательствах (например, «Огни», «Брокгауз и Ефрон» и т.д.). Это изменение, в первую очередь, связано с общественно-политической ситуацией. Большинство старых «толстых» журналов перестало существовать, а издание брошюр в многочисленных частных и кооперативных издательствах периода НЭПа давало возможно заработка. Отчасти повторяя то, что мы уже говорили, характеризуя предыдущий вид источников, следует отметить, что многие научно-популярные работы петербургских медиевистов не просто носили авторский характер, но и достаточно часто, по справедливому замечанию Б.С. Кагановича, являлись самостоятельными научными исследованиями, в условиях, когда издать монографию было очень сложно, практически невозможно.

Шестой вид источников достаточно специфичен именно для школы И.М. Гревса. Это словарные статьи, подготовленные для справочных энциклопедических изданий⁴⁴. Дело в том, что сам И.М. Гревс достаточно долго и успешно сотрудничал с издательским домом Брокгауза и Ефрона. В 90-х гг. XIX века он подготовил несколько десятков статей для Энциклопедического словаря, выпускаемого этим издательством, и когда был организован проект издания «Нового энциклопедического словаря», историк вошел в редакционную коллегию издания, ведая разделом средневековой

⁴⁴Гревс И.М. Аврелий Августин // Новый энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1911. Т. 1. Стб. 128 – 149; Карсавин Л.П. Авзоний // Там же.Т.1; Он же. Авит // Там же. Т. 1; Он же. Амвросий // Там же. Т.2; Добиаш-Рожественская О.А. Генрих I // Там же. Т. 13; Она же. Генрих II // Там же. Т. 13; Она же. Генрих IV // Там же. Т. 13; Она же. Генрих VI // Там же. Т. 13; Она же. Генрих Лев // Там же. Т. 13; Федотов Г.П. Каролингское Возрождение // Там же. Т. 21; Оттокар Н.П. Коммуны средневековые // Там же. Т. 22; Флоровская К.В. Генрих II // Там же. Т. 13; Она же. Генрих IV // Там же. Т.13; Вульфийус А.Г. Гуманизм // Там же. Т. 13; Он же. Лютер // Там же. Т. 26 и др.

западноевропейской истории. Он привлек к работе над проектом большое количество своих учеников. Несмотря на то, что издание было прервано Первой мировой войной, петербургские медиевисты успели подготовить большое количество статей. Понятно, что подобного рода статьи являются текстами со своей достаточно характерной жанровой спецификой. Они отличаются небольшим объемом, предельной краткостью, четкостью и однозначностью формулировок, стандартизованностью риторических ходов и образов. Но при этом, с одной стороны, они дают определенное представление об исторических взглядах авторов. Некоторые из них (например, статья И.М. Гревса об Августине Аврелии) даже могут быть обозначены как оригинальные самостоятельные исследования. А с другой стороны, они сами являются проявлением коммуникативного режима научной школы и, соответственно, позволяют зафиксировать некоторые значимые характеристики этого режима.

К этой группе также примыкают публицистические и общественно-политические статьи, не связанные непосредственно с изучением истории средних веков или проблемами исторического познания. Как правило, это отклики на те или иные актуальные, в первую очередь политические, события⁴⁵. Не являясь научными исследованиями, эти тексты в то же время дают представление как об общественно-политических взглядах написавших их историков, так и о значимом контексте их профессиональной деятельности.

Работая с данной группой источников, мы в большинстве случаев, стремились использовать прижизненные публикации и первые издания, подготовленные самими авторами.

В целом, как уже говорилось, представляется, что данный тип источников позволяет достаточно адекватно реконструировать исторические взгляды

⁴⁵ См., например: Гревс И.М. Возродится ли у нас подорванное научное просвещение // Право: еженед. юридическая газ. 1905. № 9. С. 634 – 644; Он же. Временные правила об управлении университетами и освобождение науки // Право. 1905. № 36. С. 2923 – 2939; Он же. Идеиная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 11. 25 февр. С. 787 – 804; 1906. № 12. 5 марта. С. 55 – 77.

исследуемых нами ученых и некоторые характеристики дискурса, характерного для данного научного сообщества.

Второй тип источников, содержащий информацию о жизни и, что особенно важно для историко-антропологического исследования, поведении ученых в той или иной ситуации, - это источники личного характера. Здесь так же можно выделить несколько видов.

Первый вид - это письма и дневники ученых, а также их близких и современников. Незначительная часть писем и дневников на настоящий момент опубликована⁴⁶, но все-таки большая часть хранится в личных фондах историков. Из этой группы особой информативностью для решения задач нашего исследования выделяется переписка И.М. Гревса с учениками (в частности его письма Л.П. Карсавину). Как источники, письма и дневники традиционно и достаточно продуктивно используются в историографических и историко-научных исследованиях. Они позволяют, во-первых, получить информацию о многих событиях и фактах биографии ученого и жизни научного сообщества, практически не отраженных в других источниках. Во-вторых, реконструировать «жизненный мир» как самого автора, так и той социальной группы, к которой он принадлежит. В-третьих, провести анализ процесса конструирования личностной, профессиональной и групповой идентичности различных представителей научного сообщества.

Ко второму виду источников данного типа мы относим воспоминания и, шире, любые тексты мемориального характера (некрологи, юбилейные заметки и т.д.)⁴⁷. Здесь, в первую очередь, следует выделить воспоминания самого

⁴⁶ См.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889 – 1927 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Спб., 2005; Архив Л.П. Карсавина. Вып. 1. Семейная корреспонденция, неопубликованные труды / Сост., ком. П.И. Ивинский. Вильнюс, 2002; Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред В.П. Корзун. Омск, 2003; Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса / Авт.- сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004; Гиттис И.В. Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. 86 л.; Гревс И.М. Письма к Н.П. Анциферову (1926 – 1941) // ОР РНБ. Ф. 27. Д. 232. 28 л.; Гревс И.М. Письма к М.С. Гревсу // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 78. 249 л.; Гревс И.М. Письма к О.А. Добиаш-Рождественской (1902 – 1903, 1932 – 1933) // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 291. 13 л.; Гревс И.М. Письма С.Ф. Платонову 1892 – 1902 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2714. 40 л.; Гревс И.М. Письма С.Ф. Платонову 1903 - 1929 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2715. 35 л.; Вейдле В.В. Письма И.М. Гревсу // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 46. Л. 1 и др..

⁴⁷ Андреева-Георг В.П., Каменская Т.Д. И.М. Гревс // Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) Курсы (1878 – 1918). Сборник статей. Изд. 2-е. Л, 1973. С. 180 – 183; Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. Вступит. Ст., сост., примеч. А.И. Добкин. М., 1992; Ванеев А.А. Два года в Абези. Брюссель,

И.М. Гревса, частично опубликованные, а по большей части хранящиеся в его личных фондах ПФА РАН и ОР РНБ, а также воспоминания его учеников. Эти источники не только содержат определенную «фактическую» информацию, но и воспроизводят «образ школы», ее жизни и истории в восприятии, как самих ее представителей, так и авторов, репрезентирующих взгляд извне. Собственно говоря, именно этот тип источников и является основным для реконструкции принципиально важного для нас феномена «школообразующих практик».

Третий тип источников, на который мы опирались в нашей работе, – делопроизводственная документация. Это, во-первых, личные дела историков, хранящиеся в фонде Санкт-Петербургского университета в Центральном государственном историческом архиве города Санкт-Петербурга (фонд № 14) и архиве Института истории материальной культуры РАН⁴⁸. Будучи достаточно краткими и клишированными, эти документы позволяют реконструировать жизненный путь и профессиональную карьеру того или иного историка. Особенно важными для нашей темы являются хранящиеся в этих делах отзывы научного руководителя, данные в качестве рекомендации для оставления при кафедре «для приготовления к профессорскому званию». В большинстве случаев эти отзывы не просто фиксируют отношение научного руководителя к ученику, но и позволяют воссоздать тот «образ науки», который был важным ориентиром профессиональной деятельности для изучаемого нами сообщества ученых.

1990; Вейдле В.В. Воспоминания /Вступительная статья, публикация и комментарии И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы. СПб. Вып. 2. 2001. С. 46 – 153. Вып. 3. 2002. С. 7 – 159; Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 6 (12). С. 42-88; № 16. С. 137 – 166; Он же. О.А. Добиаш-Рождественская в годы учения (воспоминания учителя) // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1987. С. 289 – 295; Он же. Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890 – 1891 года) // Россия и Италия. М., 1993. С. 281 – 306; Он же. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го века \ Публ., ком., предисл. К.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. 2006 и др..

⁴⁸ Анциферов Н.П. Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. Д. 11096. 152 л; Вейдле В.В. Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 11248. 131 л; Гревс И.М. Трудовые списки // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 2. 6 л; Добиаш-Рождественская О.А. Личное дело // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 186. 9 л; Добиаш-Рождественская О.А. Свидетельство об окончании ВЖК // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 6. 2 л; Карсавин Л.П. Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10049. 89 л; Оттокар Н.П. Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10205. 73 л. и др.

Во-вторых, мы используем различную документацию, связанную с заграничными командировками петербургских медиевистов (ходатайства, приказы, отчеты, рекомендации), хранящуюся как в фонде университета ЦГИА СПб, так и в фондах Министерства народного просвещения Российского государственного исторического архива (Ф. № 733)⁴⁹. Эти документы позволяют реконструировать значение такого важного фактора профессионального становления изучаемых нами историков, как зарубежные поездки для работы в архивах, библиотеках и посещения занятий в западноевропейских университетах. Опираясь на эти документы, также можно реконструировать некоторые элементы как группового, так и личностного образа науки.

Кроме того, мы привлекаем опубликованные «Отчеты Санкт-Петербургского университета» и «Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета», позволяющие реконструировать как организацию учебного процесса в данном учебном заведении, так и, в определенной степени, взаимоотношения представителей профессорского корпуса между собой⁵⁰.

Представляется, что данная источниковая база является вполне репрезентативной для решения поставленных задач.

Новизна исследования определяется следующими моментами.

1. В работе предложена принципиально новая, антропологическая, модель научной школы, в основе которой лежит понимание научной школы как малой социальной группы.
2. Введено, теоретически обоснованно и практически применено при анализе конкретного материала понятие «школообразующие практики».

⁴⁹ О командировке за границу, оставление при С.-Петербургском университете. Содержание профессорским стипендиатам, С.-Петербургского университета // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 589; О командировке за границу, оставление при С.-Петербургском университете. Содержание профессорским стипендиатам, С.-Петербургского университета // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 706.

⁵⁰ См.: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905-1914 гг. СПб., 1906-1915; Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904-1914. СПб.; Пг. 1904 – 1914.

3. Выявлена роль И.М. Гревса в формировании петербургской школы медиевистики начала XX века.

4. Впервые проведен историографический анализ исторических взглядов таких представителей отечественной медиевистики, как П.Б. Шаскольский, К.В. Флоровская, А.А. Тентель, В.Э. Крусман, А.А. Гизетти, М.Э. Шайтан.

5. Выявлено значение коллективных научных проектов в истории отечественной медиевистики 1920-1930-х гг.

6. Определено значение роли и функций конфликтов в генезисе и функционировании научных школ.

Практическая значимость работы

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в исследованиях по истории исторической науки и высшего образования в России, истории отечественной медиевистики и методологии исторического исследования, при подготовке учебных курсов по историографии всеобщей и отечественной истории, истории России, а так же спецкурсов по истории науки и истории медиевистики.

Апробация результатов исследования

Диссертация была обсуждена на кафедре всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Основные положения диссертации были отражены в докладах автора на международных (Кемерово 2001, Омск 2003 , Тюмень 2009, Санкт-Петербург 2009), всероссийских (Москва 2001, 2003, 2010; Санкт-Петербург 2003, Омск 2002, 2009, 2010; Казань 2006, 2009) и региональных научных конференциях.

Основные результаты опубликованы в 31 научной работе, в том числе монографии «Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества», разделах двух коллективных монографий, публикациях источников, 27 статьях общим объемом 62 п.л.

Различные аспекты диссертационного исследования освещались в курсах лекций по историографии всеобщей истории и истории отечественной

медиевистики, прочитанных на историческом факультете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Структура работы

Цель и задачи исследования определили его структуру, в основе которой положен проблемный принцип. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Справочный аппарат включает постраничные сноски, список использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 465 страниц.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна темы, анализируется степень ее разработанности в научной литературе, определяется объект, предмет, хронологические рамки, цели и задачи исследования, дается характеристика методологической и источниковой базы диссертационного исследования.

В первой главе **«Петербургская школа медиевистики начала XX века как научное сообщество»** представлен общий очерк истории жизни и научного творчества основателя петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса и его учеников, исследователей медиевистов, образовавших профессиональную научную корпорацию. В соответствии с логикой развития этой корпорации можно выделить три основных этапа развития научной школы, анализу каждого из которых посвящен отдельный раздел данной главы. Учитывая особую значимость для жизни школы в целом фигуры ее лидера, первый раздел данной главы **«Лидер школы - Иван Михайлович Гревс»** посвящен непосредственно рассмотрению жизни и взглядов создателя школы.

И.М. Гревс (1860 – 1941) родился в дворянской семье и по окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Именно здесь проходило формирование его мировоззренческих и профессиональных взглядов. Большую роль в этом

процессе сыграл непосредственный учитель И.М. Гревса выдающийся русский византист профессор В.Г. Васильевский, а так же распространенные среди определенной части студенчества либерально-народнические идеи. Кроме того, на формирование взглядов И.М. Гревса оказали влияние еще два момента, во многом определившие специфику этих взглядов.

Это, во-первых, зарубежная командировка, предоставленная молодому ученому университетом и Министерством народного просвещения для завершения работы над диссертационным исследованием. Большую часть этой, неоднократно продлеваемой по его просьбе командировки, И.М. Гревс провел во Франции и Италии, став в результате этого, по собственным словам, большим поклонником французской науки и итальянской культуры. Именно под влиянием идей французских медиевистов, в первую очередь, исторической концепции Н.Д. Фюстеля де Куланжа, и сложилась оригинальная для российской медиевистики система взглядов И.М. Гревса.

Вторым моментом, определившим своеобразие мировоззренческих и теоретических взглядов И.М. Гревса, стал опыт так называемого «Приютинского братства», кружка образованного выпускниками различных факультетов столичного университета. Наряду с И.М. Гревсом в этот кружок входили В.И. Вернадский, С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов и др. Этот кружок изначально конструировался молодыми людьми как сообщество единомышленников, связанных общими взглядами, взаимной симпатией и общим делом. При этом практически с самых первых дней данное сообщество конструировалось именно как особый тип сообщества, «Братство», со своим своеобразной структурой, специфическим набором коммуникаций и оригинальной групповой идентичностью. Соответственно, лично для И.М. Гревса «Братство», с одной стороны, дало опыт «командной работы», связанной с очевидным ощущением комфорта. А с другой стороны, обусловило определенное «профессиональное одиночество», поскольку среди друзей-единомышленников И.М. Гревса не было ни одного историка-всеобщника, ни говоря уже о медиевистах.

В целом профессиональную карьеру И.М. Гревса нельзя назвать абсолютно успешной. Приступив к чтению общего курса средневековой истории на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и Высших женских (Бестужевских) курсах и защитив магистерскую диссертацию, посвященную аграрным отношениям в Римской империи I века, И.М. Гревс затем, в силу различных причин, меняет сферу своих научных интересов и переключается на изучение раннего итальянского Возрождения. Однако общее количество опубликованных им научных работ, посвященных новой проблематики, было не велико. Связано это обстоятельство не столько с необходимостью начинать свои исследования в новой области «с нуля», сколько с явной сменой профессиональной идентичности. И.М. Гревс в эти годы начинает позиционировать себя не как «исследователь», а как преподаватель, педагог, профессор по преимуществу, основная задача профессиональной деятельности которого заключается в воспитании молодых ученых. У И.М. Гревса была явная «воля к школе», в какой-то степени носившая компенсаторный характер.

Теоретическим фундаментом конструируемой школы стали теоретико-методологические и конкретно-исторические взгляды ее основателя. В качестве основополагающих идей общеисторической концепции И.М. Гревса следует выделить социо-культурный эволюционизм, связанные с ним «генетический принцип» и «культурный романизм», теорию континуитета, европоцентризм, признание особой роли «идейного фактора», «портретный метод». Традиционно исторические взгляды И.М. Гревса оцениваются в историографии как позитивистские, однако, следует признать наличие в них элементов, связанных с гегельянской и романтической традициями. Эта внутренняя содержательная неоднородность теоретического фундамента сыграла очень важную роль в судьбе созданной И.М. Гревсом научной школы.

В целом, можно говорить о том, что «нормальный период» деятельности школы приходится на 1900-1910-е гг. и длится вплоть до увольнения И.М. Гревса из университета в 1923 г., когда в жизнь школы вмешались

политические события. В этот период профессиональное сообщество, связанное со школьной идентичностью продолжало существовать, в какой-то степени по инерции, адаптируясь к новым условиям, и сознательно воспроизводя школообразующие практики в целях сохранения. Но они постепенно угасали, и на смену оформленной в качестве школы корпорации пришли иные формы.

Второй раздел первой главы **«Школа И.М. Гревса. Первые ученики (1900 – 1910-е годы)»** посвящен анализу жизни и научного творчества тех медиевистов, с деятельностью которых связано становление самого статуса «ученика Гревса», т.е. лиц оставленных по его рекомендации при кафедре «для приготовления к профессорскому званию». К таким ученым относятся О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, П.Б. Шаскольский, Н.П. Оттокар, К.В. Флоровская. Сам состав первых учеников наглядно показывает, что И.М. Гревс активно использовал предоставленную ему должностью возможность «оставления при кафедре» как в университете, так и на Высших женских (Бестужевских) курсах. В этот период формируются и апробируются основные школообразующие практики, ставшие основным элементом конструирования школы как сообщества. И анализ работ первых учеников И.М. Гревса показывает, что практики эти оказались вполне продуктивными. Влияние И.М. Гревса в ранних работах его первых учеников нельзя не заметить.

Конструирование практик достигает своего апогея в следующей наиболее успешный период развития школы, который приходится на 1910-е гг. Этот период рассматривается в третьем разделе первой главы диссертации **«Петербургская школа медиевистов в 1910-е годы. Расцвет»**. Среди учеников И.М. Гревса этого времени следует назвать А.А. Тэнтеля, Н.С. Цемша, В.Э. Крусмана, Г.П. Федотова, С.И. Штейна, Г.Э. Петри, Л.И. Олавскую, А.А. Гизетти, Н.Н. Розенталя, Н.П. Анциферова, А.И. Хоментовскую, В.В. Вейдле.

Формальными итогами деятельности школы в период до 1917 г. стали две защищенные докторские диссертации (Л.П. Карсавина и О.А. Добиаш-

Рождественской), четыре магистерских (Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской, В.Э. Крусмана и чуть позднее Н.П. Оттокара), связанные с этими диссертациями научные монографии, несколько научно-популярных книг, большое количество статей в различных изданиях, в том числе в юбилейном сборнике И.М. Гревса и «Новом энциклопедическом словаре». В работах прослеживается определенное методологическое и концептуальное единство. Всё это позволяет говорить о том, что в целом научная школа сложилась и заявила о себе.

Трансформация школы, как социального сообщества, в контексте политических изменений послереволюционного времени рассматривается в четвертом разделе первой главы **«Петербургская школа медиевистов после революции (1917 – 1930 годы)»**. В этот период научная школа петербургских медиевистов претерпевает серьезные изменения, в частности, центральной фигурой сообщества после увольнения И.М. Гревса из университета и вынужденной эмиграции Л.П. Карсавина становится О.А. Добиаш-Рождественская, а основными институциональными центрами ГАИМК и отдел рукописей Публичной библиотеки, но все же, несмотря на это, продолжает существовать в новых условиях. Основные школообразующие практики, видоизменившись, функционируют, и можно назвать целый ряд молодых медиевистов, чья связь со школой, складывается именно в этот период. Этот Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова, В.В. Бахтин, С.А. Ушаков, М.Э. Шайтан, А.Д. и В.С. Люблинские, М.А. Гуковский. Однако смерть О.А. Добиаш-Рождественской и И.М. Гревса, а так же события военных лет приводят к переструктурированию профессионального сообщества ленинградских медиевистов и началу принципиально нового этапа его истории.

Вторая глава **«Основные школообразующие практики»** посвящена анализу основных механизмов конструирования школы как социальной группы и связанной с этим школьной идентичности. Для этого вводится понятие школообразующие практики. Под школообразующими практиками понимается устойчивый набор социальных действий, посредством которого конструируется

научная школа как социальная группа и связанная с этим школьная идентичность. Всего применительно к школе И.М. Гревса выделяется четыре основных вида школообразующих практик. Первый раздел второй главы, **«Семинары как школообразующая практика»** посвящен выявлению особых функций конструирования школы посредством учебных занятий, проводимых И.М. Гревсом в университете и на Высших женских курсах, в первую очередь семинария, которым он руководил на протяжении многих лет работы в университете.

Среди трех основных форм классических университетских гуманитарных формальных учебных занятий (лекция, семинар, экзамен) именно семинарий должен в первую очередь способствовать выработке у студентов навыков публичного профессионального (т. е. соответствующего конвенциональным нормам профессии) говорения. И происходит это в режиме диалога. Для И.М. Гревса, с его установкой на внимание к личности ученика, семинар приобретал особое значение. Он способствовал выработке групповой идентичности.

В восприятии самих студентов и слушательниц семинарии были важным событием их университетской жизни, очевидным «местом памяти», связанным с конструированием их профессионализма. Они полагали, что семинары И.М. Гревса дали им достаточно много как в плане профессиональных знаний и навыков, так и в личностном плане, повлияв на их мировоззрение. К значимым знаниям, полученным в результате прохождения семинаров, в данном случае относятся, во-первых, знание определенных классических текстов, анализу которых были посвящены семинары. Во-вторых, знание заданного И.М. Гревсом корпуса современной научной литературы как на русском, так и на иностранных (преимущественно французском, итальянском, немецком, в меньшей степени английском) языках. Совершенно очевидно, что И.М. Гревс проводил определенный отбор, формируя список рекомендованной литературы в соответствии со своими пристрастиями и представлениями, и эта фильтрация детерминировала «образ науки», формирующийся в восприятии его учеников.

В-третьих, определенное «неявное», имплицитное представление, вырастающее непосредственно из «опыта работы» в семинариях, о приемах и навыках работы историка с источником, продуктивность «медитации» над текстом источника как определенной формы получения знания. В-четвертых, некое конструируемое в ходе работы семинария знание о «содержании», «идейном наполнении» анализируемых на семинаре текстов. При этом, с одной стороны, изучаемые тексты принципиально рассматривались как «отражение» целостного мировоззрения их автора (у каждого «великого автора», полагал И.М. Гревс, существует целостная система взглядов), а с другой стороны, эти «идеи» имеют не только научную, историческую, но и какую-то большую актуальность. Например, Августин и Данте остаются актуальными «учителями жизни». Этот последний вид знания был непосредственно связан с пониманием И.М. Гревсом природы семинара как перформативной. Он вырабатывался непосредственно на семинарах, в ходе совместной работы, его нельзя было получить «факультативно», просто прочитав тексты источников и рекомендованную научную литературу по теме. И, следовательно, он превращал участников семинара в некую замкнутую группу, обладавшую общим «эзотерическим», эксклюзивным (и при этом маркированным как очень важное) знанием, недоступным тем, кто через семинары не прошел.

Во втором разделе второй главы **«Итальянские экскурсии как школообразующая практика»** рассматривается значение для формирования школы коллективных поездок в Италию студентов университета и слушательниц Высших женских курсов, организованных и проведенных И.М. Гревсом в 1907 и 1912 гг.. Экскурсии могут быть атрибутированы как школообразующая практика во многом благодаря тому, что они конструировались на основании оригинальной «философии путешествий» И.М. Гревса.

Именно в «теории экскурсий» в наибольшей степени проявились романтические элементы «образа науки» И.М. Гревса. Это установка на «вживание», стремление интуитивно почувствовать «дух времени» и «гений

места» как обязательные элементы профессиональной подготовки историка. В то же время экскурсии были наиболее «жесткой», сознательно сконструированной школообразующей практикой, в ходе которой учитель, руководитель, имея конкретную цель, должен был регламентировать и контролировать всю жизнь участников экскурсий - от быта и распорядка дня до «мыслей и чувств». И очевидно, любой, прошедший через экскурсии, получивший определенный экстраординарный жизненный опыт, должен был стать «учеником И.М. Гревса».

Более того, сама форма практики оказывается беспрецедентной, и, не имея, в отличие от семинариев и лекций, возможности опереться на предшествующую традицию, И.М. Гревс вынужден вначале «умозрительно», в соответствии со своими мировоззренческими установками, выстраивать модель и программу данной практики, а затем, опираясь на собственную рефлексию попыток практического применения, ее дорабатывать и уточнять. В то же время, совершенно очевидно, что экскурсии – это уникальная, разовая практика, её в силу различных причин невозможно воспроизводить постоянно. Значимым оказывается и то, что в ходе экскурсионной поездки ученики попадали в совершенно новое место, практически не связанное с их устоявшейся обыденной рутинной жизнью и бытом. И уже в этом плане итальянские путешествия – это экстраординарный жизненный опыт. В незнакомой обстановке, в новой среде им предлагалось вести себя так, как учит учитель.

Третий раздел второй главы **«Коллективные проекты. Школообразующие тексты»** рассматривается роль в формировании школы различных коллективных научных проектов, осуществленных петербургскими медиевистами. К ним относятся два юбилейных сборника, посвященных И.М. Гревсу, статьи по западноевропейскому средневековью «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, посвященные средневековью, сборники отдела рукописей Публичной библиотеки и ряд коллективных монографий 1930-х гг., большая часть из которых осталась на стадии проекта.

Коллективные научные проекты, тесно связанные с семинариями И.М. Гревса, в определенной степени вырастающие из них, оказались наиболее явной формой профессиональной манифестации научной школы (именно посредством них она заявила о себе как школа) и в тоже время наиболее длительной (совместная научная работа продолжалась, когда семинарии непосредственно уже перестали существовать, а экскурсии были невозможны). Более того, в определенной степени именно эта форма была перенята последующими поколениями уже ленинградской медиевистики, обеспечив тем самым преемственность в развитии науки.

Четвертый раздел второй главы, **«Письма как школообразующая практика»**, в качестве школообразующей практики рассматривает переписку И.М. Гревса и его учеников. Переписку вполне можно атрибутировать как еще один, наряду с охарактеризованными выше, специфический вид школообразующей практики. Письма, во-первых, позволяют представителям школы поддерживать режим интенсивного общения, даже в том случае, когда непосредственное общение невозможно. При этом в письмах происходит не просто обмен информацией, но и осмысление, т.е. конструирование реальности, того «жизненного мира», в котором полагают себя пишущие эти письма историки. Во-вторых, письма позволяют И.М. Гревсу осуществлять научное руководство «на расстоянии», давать советы, и не только научные, своим ученикам и контролировать ход их работы. Ученики спрашивают совета – учитель наставляет. В-третьих, переписка задает некую подвижную конфигурацию школы, некое символическое пространство, в котором каждый участник занимает свое место, свою позицию по отношению к другим, конструирует свою социальную роль. Переписка эту диспозицию конституирует. В-четвертых, переписка задает сам режим своего существования. В ней имплицитно заложены конвенциональные нормы того, когда, о чем и как (каким языком) представитель школы (ученик) может написать учителю. В тексте имплицитно заложена некая, условна говоря, грамматика, позволяющая отправить сообщение и надеяться быть понятым,

ценностный и культурный контекст, придающий смысл составляющим переписку высказываниям.

Третья глава **«Конфликт в научной жизни школы. Казус Карсавина»** посвящена рассмотрению взаимоотношений между И.М. Гревсом и его учеником, выдающимся русским медиевистом и философом Л.П. Карсавиным. Эти взаимоотношения прошли сложную трансформацию от человеческой и профессиональной близости между учеными (Л.П. Карсавин, несомненно, был одним из любимейших учеников И.М. Гревса) до полного разрыва, конфликта, ставшего принципиальным для всей научной школы петербургской медиевистики.

Научная школа - и, как представляется, рассматриваемый нами пример демонстрирует это более чем убедительно, - это не просто совокупность ученых-единомышленников, работающих по сходной проблематике, объединенных общей методологией и методикой исторического исследования и группирующихся вокруг одного центра и фигуры лидера. Научная школа, говоря языком социологии, - это, в отличие от направления в науке, неформальная малая социальная группа, со своей структурой, со своим коммуникативным режимом, со своим набором социальных ролей и статусов. И в организации школы («генетического типа») изначально заложено противоречие, провоцирующее внутренний конфликт. Это возможность ситуации, когда ученики перерастают учителя. Подобная ситуация требует внутреннего переструктурирования, перераспределения ролей и статусов, а далеко не каждая школа способна на подобную трансформацию. Школа как социальная структура лишена динамизма, что в некоторой степени ограничивает возможности развития. При всех своих положительных функциях – механизм профессиональной социализации, форма продуктивной кооперации научной деятельности – научная школа, как справедливо заметил А.А. Формозов, ставит границы для собственно профессионального научного роста. При определенных условиях, как это произошло в нашем случае, «внутренний» конфликт перерастает в настоящий скандал, который, подобно воронке,

расширяясь, втягивает новых участников и переструктурирует поле хирургическим путем. Чем тщательнее сознательно выстроена школа, а в случае с И.М. Гревсом происходит именно так, тем болезненнее, интенсивнее и напряженнее получается подобный конфликт.

Для самой научной школы конфликт выполняет двойственную функцию. С одной стороны, конфликт оказывается мобилизующим фактором. В условиях конфликта, ставшего «пограничной ситуацией», научная школа, в лице различных ее представителей, эксплицирует (а порой и создает) некоторые предельные теоретические и мировоззренческие свои основания, неявные, размытые в режиме обыденной повседневной работы. Школа, мобилизуясь в ситуации вызова, создает себя. В этом плане внешний конфликт для школы весьма продуктивен, а порой и просто необходим. Так, в рамках школы И.М. Гревса, как мы видели, происходит конструирование принципиально новой, неактуальной ранее формы нарратива, посредством которого разворачивается и осмысливается конфликт, – писем с выяснением отношений. А с другой стороны, конфликт чреват элементарным распадом школы, прекращением ее существования как группы, как единства. Школа И.М. Гревса в данном случае, сбросив взрывоопасный материал, продолжала существовать, но уже несколько в ином виде, став, по сути, «нормально позитивистской». Лидером петроградских медиевистов стала О.А. Добиаш-Рождественская. На ведущие позиции выдвинулись ее непосредственные ученики, как определяли они себя сами, «научные внуки Гревса».

В определенной степени конфликт между Л.П. Карсавиным и И.М. Гревсом можно описать как конфликт между молодым, амбициозным, стремящимся к признанию и самореализации ученым, выдвигающим некие «новые» идеи, и его «немолодым» учителем, отстаивающим традиционные теории и связанное с ними видение науки. Однако, будучи внесенным в контекст научной школы, этот конфликт оказывается важным фактором, существенно влияющим на ее трансформацию и последующую судьбу. С одной стороны, важнейшей причиной конфликта (наряду с целым рядом факторов) оказывается внутренняя

неоднородность школьной программы и «идеологии». А с другой стороны, в результате конфликта школа, видоизменяя свою программу, становится гораздо более гомогенной и «позитивистской», что позволило ей «выжить» как научному сообществу и даже в какой-то степени быть востребованной в тяжелых условиях 1920-х годов. Сохранившаяся часть школы, и вошедшие в нее новые представители, «научные внуки», сплотились на базе новой теоретической платформы вокруг нового лидера.

В заключении диссертации сделаны следующие выводы:

Российское общество второй половины XIX – начала XX века переживало сложный и неоднозначный процесс глубокой трансформации, связанный с переходом к обществу Модерна. Этот процесс, в определенной мере, проявлялся в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Одним из составляющих элементов российской модернизации был, тесно определяемый многими факторами и, в свою очередь, влиявший на них, процесс формирования системы высшей школы как центра образования и научных исследований. Именно в этот период завершается формирование системы профессиональной подготовки ученых, и складывается дисциплинарная матрица научной и учебной организации. Этот процесс в полной мере проявляется и в жизни исторической науки в целом, и в медиевистике, как составляющей ее части, в том числе. Функционируют историко-филологические факультеты университетов, готовящие профессиональных историков, действует система воспроизводства профессионального научного сообщества и связанные с ней научные степени и звания (а так же формальные процедуры их получения), существуют профессиональные научные исторические издания, складывается система жанров научной и учебной исторической литературы, возникают различные формальные и неформальные организации (например, Исторические общества), связанные с изучением истории.

Одним из результатов формирования дисциплинарной системы российской исторической науки стало образование такого типа конфигурации научного

сообщества как научные школы. Возникшие именно на этом этапе развития науки (сложно назвать научной школой «скептическую школу» Т.М. Каченовского или славянофилов) собственно профессиональные научные школы стали важнейшим элементом жизни научного сообщества. При всей своей разнородности (действительно, применительно к отечественной исторической науке данного периода можно выделить несколько различных типов научных школ), эти неформальные сообщества ученых выполняли, с одной стороны, функцию координации научных исследований, а, с другой стороны, являлись важнейшим инструментом профессионализации и воспроизводства научного сообщества. Наиболее известным примером отечественных научных школ в исторической науке этого периода служат школы, объединявшие специалистов по изучению истории России и сложившиеся вокруг В.О. Ключевского в Москве и С.Ф. Платонова в Санкт-Петербурге.

Процесс образования школ не обошел стороной и медиэвистику. В наибольшей степени он проявился в столичных университетах. В Императорском Московском университете с 1880-х гг. формируется школа «всеобщих историков» В.И. Герье, к представителям которой следует отнести занимавшихся исследованием средневековья П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.С. Корелина, Р.Ю. Виппера, а в Санкт-Петербургском университете с начала XX века начинается процесс формирования школы, во главе которой стоит профессор университета и Высших женских курсов И.М. Гревс.

Являясь на протяжении многих лет профессором Высших женских курсов и «исполняющим должность профессора» университета, И.М. Гревс подготовил большое количество молодых специалистов, пытавшихся, правда с разным успехом, реализовать себя в сфере профессиональной научной деятельности. Среди его учеников были такие крупные и широкоизвестные ученые как О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, А.Д. Люблинская, М.А. Гуковский, но были и те, чья профессиональная научная карьера, в силу различных причин, не сложилась. Однако и те, и другие, будучи учениками

И.М. Гревса, в значительной степени находились под влиянием теоретико-методологических взглядов учителя, созданной им концепции истории западноевропейского средневекового общества. Он «ставил» им методику работы с источниками, определял значимые теоретические ориентиры, направлял процесс коммуникации. Даже те из учеников, кто, подобно Л.П. Карсавину, впоследствии критиковал взгляды и деятельность И.М. Гревса, не могли с ними не считаться, их игнорировать. Они изначально принимали их как свои, а затем из них «вырастали». Это влияние учителя на учеников было совершенно очевидным, независимо от того, насколько «оригинальными» и «продуктивными» представляются его взгляды с точки зрения современного состояния развития науки. Достаточно того, что они были маркированы в качестве оригинальных в восприятии профессионального научного сообщества того времени.

При этом получается, что принадлежность к научной школе не была связана ни с общими политическими взглядами (спектр политических симпатий учеников И.М. Гревса достаточно широк – от кадетов до эсеров, не было только радикалов, ни правых, ни левых), ни с социальными, конфессиональными или гендерными установками (среди его учеников были представители разных социальных и культурных групп).

Проявлением подобного содержательного единства служит то, что большинство работ учеников И.М. Гревса посвящено изучению средневековой истории романских стран (т. е. Италии и Франции). Они сконцентрированы на социокультурных процессах, в первую очередь, связанных с жизнью средневекового западноевропейского города, который воспринимался как «эпицентр» культурных процессов. В этом плане отличие работ петербургских медиевистов от работ представителей существовавшей синхронно московской школы очевидно. Кроме того, для работ представителей школы И.М. Гревса характерны опора на «генетический подход» как методологический принцип, эволюционизм, связанный с ним умеренный «культурный романизм», установка на выявление «идей», определяющих сущность того или иного

события и периода, внимание к роли «выдающихся личностей», способных осознать эти идеи и, опираясь на них, предложить новые. Для большинства историков школы И.М. Гревса характерен также, условно говоря, метод «портретирования», т.е. стремление рассматривать конкретную историческую личность или событие как преломление общих (в первую очередь «идейных») тенденций эпохи, а сами эти тенденции изучать на «конкретных примерах». Отказ от этих теоретико-методологических принципов (или хотя бы части из них) воспринимался, как показывает случай с тем же Л.П. Карсавиным, как «выход из школы». Если внести теоретико-методологические установки представителей школы в контекст крупных теоретико-методологических и философских традиций своего времени, то следует признать, что они представляли собой специфический синтез различных элементов позитивизма, гегельянства и романтизма. Такой синтетический характер методологической позиции во многом определяется синтетичностью (или эклектичностью) взглядов самого И.М. Гревса. При этом в работах его учеников элементы трех названных традиций могли сочетаться по-разному, вариативно, в различных долях. Были ученые, явно ориентированные на позитивизм, были и те, для которых более значимой теоретико-методологической традицией был, например, романтизм. Более того, синтетический характер методологической базы позволял отдельным представителям школы интересоваться и другими методологическими традициями, не принимаемыми их учителем, например, марксизмом или неокантианством.

Этот набор принципиальных теоретико-методологических и конкретно-исторических взглядов, составляющий содержательный фундамент школы, не формировался в восприятии образующих эту школу ученых автоматически, «сам собой». Он был результатом систематических, регулярных, целенаправленных, порой ритуализированных, определенным образом отрефлектированных и в силу этого вполне осознанных действий, направленных на создание школы. Субъективность «школьной идеологии» целенаправленно конструируется. Эти конструирующие действия мы можем

обозначить как «школообразующие практики». Как правило, по своим результатам они были многофункциональны (в частности, к ним могут быть отнесены коллективные научные проекты, направленные на решение определенной конкретной задачи), способствовали конструированию школы и четкой школьной идентичности в том числе. Профессиональная социализация шла, в данном случае, в рамках школы, посредством школы и была неразрывно связана с конструированием школьной идентичности. «Школообразующие практики» не имели формального характера, но устойчиво воспроизводились, благодаря существующим в рамках профессионального сообщества, точнее говоря, определенного его сегмента, конвенциональным нормам. И, следовательно, они оказывались возможными благодаря тому, что этот сегмент являлся реальной социальной группой со своей структурой, функциями, идентификацией. Школа оказалась возможной именно как социальная группа. Именно «школообразующие практики», такие как рассмотренные нами семинарские занятия, коллективные путешествия и экскурсии, коллективные научные проекты, переписка, а кроме того, оказавшиеся за пределами нашего внимания юбилейные торжества, походы в гости, являлись, с одной стороны, основным инструментом конструирования научной школы, а с другой стороны, важнейшей формой ее деятельности.

Однако, «школообразующие практики» – это не автоматический механизм. Они воспроизводятся посредством действия определенного набора акторов, субъектов, иначе говоря, людей, относящихся к школе. И в этом случае сама идея «ритуального», «механистического» автоматизма оказывается непродуктивной. Практики существуют и могут существовать только тогда, когда у акторов есть некий «люфт», вариативность, возможность для маневра. Одни и те же стандартные действия в каждом конкретном случае воспроизводятся по-разному различными людьми, с разным к ним отношением, различным наполнением, разным их осмыслением, возможностью в определенной степени дистанцироваться в силу тех или иных причин. Хотя при этом, безусловно, в большинстве случаев выполняют свою функцию

«школообразующих практик». Однако это удастся далеко не всегда. В том случае, если дистанцирование нарушает пределы конвенциональной нормы, происходит конфликт, который, в свою очередь, может, выполняя, например, диагностическую функцию, стать для школы позитивным моментом, обеспечив ее дальнейшее развитие.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Свешников, А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. [Текст] / А.В.Свешников - Омск: ОмГУ, 2010. - 408 с. (25,5 п.л.).

2. Бычков, С.П., Вандалковская, М.Г., Корзун, В.П., Свешников, А.В., Хряков, А.В., Мамонтова, М.А. и др. Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Монография. / С.П. Бычков, М.Г. Вандалковская, В.П. Корзун, А.В. Свешников, А.В. Хряков, М.А. Мамонтова и др. Омск: ОмГУ, 2005 (42 / 5 п.л.).

Статьи в ведущих научных журналах:

3. Свешников, А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) [Текст] / А.В.Свешников // Новое литературное обозрение. - 2009. - № 96.- С. 42 - 72 (1,7 п.л.).

4. Свешников, А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х годов [Текст] / А.В.Свешников // Новое литературное обозрение. - 2008. - № 90. - С. 86 - 112 (1, 5 п.л.).

5. Свешников, А.В., Свешникова О.С., А.В. Группа архаического земледелия ГАИМК в 1930-е гг. [Текст] / А.В.Свешников, О.С. Свешникова // Российская археология. - 2010. - № 1. - С. 162 - 167 (0, 7 / 0, 3 п.л.).

6. Свешников, А.В., Свешникова, О.С. Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х гг. [Текст] / А.В.Свешников, О.С. Свешникова // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. - Вып. 30. - М., 2009. - С. 236 -256 (1, 7 / 0, 8 п.л.).

7. Свешников, А.В., Бамбизова, К.В. «Страничка из научной биографии» И.М. Гревса [Текст] / А.В.Свешников, К.В. Бамбизова // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. - Вып. 22. - М., 2008. - С. 274 - 280 (0,5 / 0,25 п.л.).

8. Свешников, А.В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX - начала XX в. [Текст] / А.В.Свешников // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. - Вып. 14. - М., 2005. - С. 190 - 206 (1 п.л.).

9. Свешников, А.В., Корзун, В.П., Мамонтова, М.А. «Ваше питерское предложение было для меня гораздо заманчивее». Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову. 1891 г. [Текст] / А.В.Свешников, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Исторический архив. - 2003. - № 2. - С. 195 - 217 (1, 2 / 0, 4 п.л.).

Публикации источников:

10. Свешников, А.В., Корзун, В.П., Мамонтова, М.А. Письма русских историков (П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов) / сост. ком. и вст. статья. [Текст] / А.В.Свешников, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова. Омск, 2003. 306 с. (12 / 4 п.).

Статьи и тезисы международных научных конференций:

11. Свешников, А.В. Образ реципиента исторического дискурса в русской историографии начала XX века [Текст] / А.В.Свешников // Философский век. Альманах 5. Идея истории в российском Просвещении. - СПб., 1998. - С. 104 - 109 (0,5 п.л.).

12. Свешников, А.В. Кризис науки на поведенческом уровне [Текст] / А.В.Свешников // Мир историка к. XIX – начала XX в.: идеалы, традиции, творчество. - Омск, 1999. - С. 75 - 95 (1,5 п.л.).

13. Свешников, А.В., Корзун, В.П. Третий угол. (И.М. Гревс в пространстве «Переписки из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона) [Текст] / А.В.Свешников, В.П. Корзун // История и историки. 2001. Историографический ежегодник. - М., 2001. С. 175 - 186. (1,5 / 0,75 п.л.).

14. Свешников, А.В. А.Г. Вульфийус как историк религии [Текст] / А.В.Свешников // Исторический ежегодник. - Омск, 2001. - С. 92 - 109 (1,5 п.л.).

15. Свешников, А.В. П.Б. Шаскольский как историк раннего папства [Текст] / А.В.Свешников // Античный вестник. - Омск, 2001. - С. 18 - 26 (1 п.л.).

16. Свешников, А.В. Интерпретация текстов средневековых мистиков в трудах Л.П. Карсавина [Текст] / А.В.Свешников // Проблемы философской и религиозной герменевтики. Материалы международного симпозиума. - Омск, 2003. - С. 148 - 155 (0,5 п.л.).

17. Свешников, А.В. Образ А.С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П. Карсавина [Текст] / А.В.Свешников // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-ю со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. - СПб., 2003. - С. 308 - 315 (0,4 п.л.).

18. Свешников, А.В., Хряков, А.В., Медиевистика при тоталитарных режимах. Сравнительный анализ судеб исторической науки в Советском Союзе и Германии в 1920 – 1940 гг. [Текст] / А.В.Свешников, А.В. Хряков // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. Материалы международной научной конференции. - Кемерово, 2003. - С. 233 - 244 (0,7 / 0,35 п.л.).

19. Свешников, А.В. В Париж в поисках себя [Текст] / А.В.Свешников // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. - Вып. 11. - М., 2004 (0,2 п.л.).

20. Свешников, А.В., Корзун, В.П., Мамонтова, М.А. «Жизни наши ... протекли ... врозь» (К истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и

С.Ф. Платонова) [Текст] / А.В.Свешников, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. - Вып. 12. - М., 2004. - С. 313 - 332 (1,2 / 0,4 п.л.).

21. Свешников, А.В., Корзун, В.П. Мир русского историка: некоторые аспекты профессионального становления русского историка конца XIX – начала XX века с точки зрения антропологии науки [Текст] / А.В.Свешников, В.П. Корзун // Историк в поисках новых смыслов. - Казань, 2004. - С. 121 - 135 (1 / 0,5 п.л.).

22. Свешников, А.В. Иван Михайлович Гревс (1860 – 1941) [Текст] / А.В.Свешников // Портреты историков. Время и судьбы. Вып. 3. Древний мир и средние века. - М., 2004. - С. 336 - 360 (2 п.л.).

23. Свешников, А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. [Текст] / А.В.Свешников // Мир историка. Историографический сборник. - Вып. 1. - Омск, 2005. - С. 231 - 261(1,5 п.л.).

24. Свешников, А.В. Миф о Грановском. Попытка дискурсного анализа [Текст] / А.В.Свешников // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории (1813 – 1855). - М., 2006. - С. 69 - 81 (0,7 п.л.).

25.Свешников, А.В. Советская медиэвистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг. [Текст] / А.В.Свешников // Мир историка. Историографический сборник. - Вып. 2. - Омск, 2006. - С. 78 - 112. (1,5 п.л.).

26. Свешников, А.В., Антощенко, А.В. Конфликт без скандала в университетской среде [Текст] / А.В.Свешников, А.В. Антощенко // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. - Т. 2. - М., 2007. - С. 115 - 134 (1,2 / 0,6 п.л.).

27. Свешников, А.В. О принципиальной проблеме построения учебного курса по истории исторической науки [Текст] / А.В.Свешников // Как изучают историю в высшей школе: опыт, перспективы, дискуссии. - М., 2007. с. 57-64. (0,5 п.л.).

28. Свешников, А.В., Степанов, Б.Е. История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии [Текст] / А.В.Свешников, Б.Е. Степанов // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. - М., 2009. - С. 332 - 360 (2/ 1 п.л.).

29. Свешников, А.В. Этногенетическая теория А.Д. Удальцова и ее судьба [Текст] / А.В.Свешников // Историк и его эпоха. Вторые Даниловские чтения. - Тюмень, 2009. - С. 328 - 333 (0,4 п.л.).

30. Свешников, А.В. Н.П. Анциферов как исследователь западноевропейского средневекового города [Текст] / А.В.Свешников // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. - Омск, 2009. - С. 28 - 31(0,3 п.л.).

31. Свешников, А.В., Ключев, А.И. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916 – 1922 г. [Текст] / А.В.Свешников, А.И. Ключев // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX в. европейские традиции и российский контекст. Труды международной научной конференции. - СПб., 2010. - С. 350 - 364 (1 / 0,5 п.л.).